

Сергей Ервандович Кургинян – политолог, общественный и политический деятель, театральный режиссер и лидер движения «Суть времени»

«Путь Стругацких» или «путь Ефремова»: выбор на развилке сценариев будущего

Тема фантастики уже давно – еще с вышедшего на излете советской эпохи доклада «Постперестройка» – присутствует в аналитических материалах и творческих проектах Сергея Кургиняна. Можно даже сказать, что эта литература является его повседневным рабочим материалом. В каких-то случаях мыслитель использует ее в качестве своеобразного фона для своих концепций. В каких-то – заимствует оттуда те или иные аналогии, позволяющие чрезвычайно метко определять предмет разговора. Ну, а подчас он обращается к фантастике как к своеобразной отмычке к кодам парapolитики эпохи Постмодерна. Творчество братьев Стругацких стало предметом внимательного осмысления политолога. В своем театре «На досках» в конце 1990-х он поставил спектакль «Обитаемый остров» по одноименной повести Стругацких. Этот спектакль вызвал многочисленные и неоднозначные отклики в общественном мнении и стал, безусловно, одним из заметных событий культурно-политической жизни позднеельцинского времени. В прошлом номере альманаха мы опубликовали материалы проведенной в редакции беседы, посвященной творчеству Стругацких в связи с выходом в прокат фильма Алексея Германа, снятого по повести фантастов «Трудно быть богом». Тема творчества Стругацких была продолжена и в предыдущей публикации уже настоящего номера альманаха. На этом фоне редакция считает целесообразным представить и иную – отличную от содержащихся в обоих названных материалах – интерпретацию идейного мира Стругацких, изложенную Сергеем Кургиняном в интервью Владимиру Винникову и опубликованную в газете «Завтра» в январе 2012 года. Ниже мы приводим фрагменты этого интервью, содержащие высказывания Сергея Кургиняна.

Редакция

Я не очень хорошо знаю нашу научно-фантастическую литературу, но в эстетическом смысле она для меня делится на очень плохую и просто плохую. Очень плохо писал Ефремов, и просто плохо писали Стругацкие. Я не могу восхищаться тем, как это сделано. Это — не мое. Я воспитан на другой литературе. Я воспитан на Томасе Манне, Уильяме Фолкнере, высокой русской и западной классике. Я — не из технократической семьи. Все мои корни, все мои личные коды — всё связано с гуманитарными науками: с филологией и литературой, поскольку это мать; и с историей, поскольку это отец. Я в этом гуманитарном котле варился и варюсь до сих пор. Мое формальное образование здесь не играет главной роли, оно вторично. Я могу от этой точки двигаться к Борхесу, или — уже с трудом — к Честертону. Но я не могу от нее двигаться в сторону братьев Стругацких. Такой путь для меня попросту закрыт. Это так и никогда не будет иначе. Можно считать это достоинством или изъяном,

Речь шла о ликвидации тех застойных явлений, которые стали нетерпимыми уже к середине 80-х годов, но под «демократической» вывеской приобрели просто катастрофический характер. Всей этой системы полусонных управленцев, неспособных решать и даже ставить задачи постиндустриального развития, паразитирующих на «сырьевой игле».

но к подобного рода литературе я отношусь с некоторым высокомерием. Это не значит, что я с таким же высокомерием отношусь к тем, кто ее любит, кто не мыслит своей жизни, своего существования без нее.

Для меня творчество братьев Стругацких — это не литературное, а социальное явление. И социальное явление огромное, совершенно не соответствующее мизерной литературной составляющей его. Моя оценка этого явления исходит из представлений о том, где было наше спасение и где — наша погибель. Говоря «наше», я говорю, конечно, о советской цивилизации. Внутри Советского Союза сформировались очень дорогие для меня внутренне ценности и группы, которые я называю постиндустриальными или Сверх-Модерном. В основ-

ном, конечно, это технократические, научные и другие социальные пласты, в силу абсолютизации марксизма очень отчужденные от мирового гуманитарного контекста, но очень продвинутые и состоятельные в тех проблемах, решением которых они занимались. Для меня это был несомненный актив, «золотой фонд» советского общества по состоянию, скажем, на 1985 год. Я себя к этому активу относил и его рупором в некотором отношении являлся, поскольку мой театр тогда был суперпопулярен именно в этих слоях, которые мы поднимали на революцию.

Да, мы хотели революции в СССР. Мы понимали, что только она может спасти советскую цивилизацию, которая должна перейти в постиндустриальный этап. Для этого нужно было очень мощное

Два главных политических субъекта, которые выполняли переформатирование советского актива, – это академик Андрей Сахаров (на фото), который переформатировал всё на либеральную повестку дня...

доразвитие коммунистической идеологии. И если бы мы в этом преуспели и повели за собой советский технократический актив – я уверен, мы бы жили сегодня в стране «номер один» по всем показателям: экономическим, социальным, культурным. Америка и Китай, как сейчас говорят, курили бы в сторонке. Но для этого нужен был прорыв, возможный только в условиях революции. Революция могла быть «сверху» или «снизу» – это неважно. Либо этот актив должен был возглавлять массы и вести их на прорыв, либо его должна была поддержать некая часть властной советской элиты, на что мы и рассчитывали.

Речь шла о ликвидации тех застойных явлений, которые стали нетерпимыми уже к се-

редине 80-х годов, но под «демократической» вывеской приобрели просто катастрофический характер. Всей этой системы полусонных управленцев, неспособных решать и даже ставить задачи постиндустриального развития, паразитирующих на «сырьевой игле».

Они понимали, что в новом постиндустриальном формате лишатся всего. Что у них нет ни мозгов, ни желания ни для чего другого. Они не понимали, зачем это делать, и – главное! – бессознательно чувствовали, что этот постиндустриальный формат уничтожит их как класс. Что могут делать извозчики в стране автомобилей? Класс извозчиков-бюрократов исторически был заинтересован в том, чтобы автомобилей у нас не появилось. Нет, против собачьих или оленьих упряжек они

в принципе ничего против не имели. Но выпускать из рук привычные вожжи – во имя развития, во имя любви к Родине или по какой-то иной причине – они категорически не хотели и не могли. Каждый конкретный человек готов был сто раз освободить свое место и уйти на пенсию или куда угодно еще, чтобы только Родина жила и развивалась, а вот класс в целом – нет, никогда.

Поэтому и нужна была революция. Мы говорили об этом, мы ощущали себя пусть недооформленной, но все-таки партией, так сказать, революционного когнитариата – это тоффлеровский термин, который я готов применять, – и для номенклатуры были к 1985 году, наверное, опаснее, чем все остальные вместе взя-

тые. Номенклатура сформировала несколько колонн. Она, во-первых, отрывала тех, кто говорил о революции, от самого актива, а во-вторых, перемещала актив с революционной повестки дня на какую-то соседнюю, то есть переформатировала его. Одними из участников такого переформатирования были Стругацкие.

Два главных политических субъекта, которые выполняли такое переформатирование, – это академик Андрей Сахаров, который переформатировал всё на либеральную повестку дня, и писатель Александр Солженицын, который переформатировал всё на консервативную повестку дня. И то и другое уже не было революционной повесткой дня – их задача заключалась не в том, чтобы вывести нашу социальную систему на качественно новый уровень, а в том, чтобы ее разрушить. Спрашивается: что дальше? Ответ: а вот как разрушим – так всё и станет хорошо. Было ясно, что ничего хорошего не будет, новая система не создается, страна развалится, будут обломки, но тем не менее наш актив тянули именно туда.

Стругацкие же в этом процессе выполняли пусть относительно второстепенную, но очень сложную и необходимую функцию, поскольку речь шла о технократах – а основное ядро нашего потенциально революционного актива, этого советского когнитариата, было технократическим. Советская коммунистическая номенклатура боялась гуманитарных наук, потому что развивать их, не развивая обществоведение, было невозможно. А технические науки развивать надо было. Поэтому технократам давали больше участия во власти, денег, соци-

альных благ, чем гуманитарным пластам, которые находились в очень убогом состоянии. Гуманитарный мейнстрим занимали ортодоксы самого худшего разлива или диссидентствующие группы, которые мимикрировали под ортодоксию. Всё что могло и должно было развиваться отправлялось куда-то далеко на отшиб. А те, кто делал ракеты, компьютеры и всё необходимое для защиты от Америки, всё-таки получали свою дозу кислорода. В результате, с одной стороны, советская технократия была живой и энергичной, а с другой — безумно оторванной от серьезной гуманитарной культуры. Но — это уже в-третьих — страстно охочей до оной. И наконец, в-четвертых, — лишенной серьезного гуманитарного вкуса в силу своей технократической односторонности. Сочетание всего этого приводило к тому, что от Стругацких они балдели на счет «раз».

Я знаю, что на Западе существовали большие интеллектуальные фабрики, которые создавали литературную продукцию, в том числе фэнтези, по аналитическим запискам. Я не говорю, что всё фэнтези так писали или что Станислав Лем так писал, но массовое, популярное фэнтези на Западе писалось, как правило, по заказу.

Я не могу сказать, что способен реконструировать аналитические записки, по которым писали Стругацкие. Но и называть их людьми, чуждыми этой игре, я не берусь — мне так не кажется. У меня даже есть определенные основания считать, что это не так. Например, когда нужно разбирать конфликт между КОМКОН-2 и КОМКОН-5, то сразу видно, что эти номера связаны с соответствующими номерами

...и писатель Александр Солженицын (на фото), который перформативал всё на консервативную повестку дня. И то и другое уже не было революционной повесткой дня — их задача заключалась не в том, чтобы вывести нашу социальную систему на качественно новый уровень, а в том, чтобы ее разрушить.

управлений КГБ. Они не хотели от этого очень далеко уходить, и сами вполне купались в «спецаспектах» своего творчества. В этом была своя поэзия, и кайф от этого был: «Мы с ЭТИМ — играем». Они не были чужды этой спецтеме, как не был чужд ей, например, Редьярд Киплинг, Сомерсет Моэм и многие другие. Я не хочу сказать, что это априори плохо, но есть люди,

которые бегут от такой тематики, а Стругацкие от нее не бежали и даже шли ей навстречу.

Поэтому я не могу считать их свободными от такой игры, что не является для меня ни плюсом, ни минусом. Я отношусь к этому просто как к индикатору, как к факту жизни. Но мало ли из какого сора «растут стихи, не ведая

Стругацкие же в этом процессе выполняли пусть относительно второстепенную, но очень сложную и необходимую функцию, поскольку речь шла о технократах – а основное ядро нашего потенциально революционного актива, этого советского когнитариата, было технократическим.

стыда», — поди ж ты, сделай из аналитической записки роман. Это надо иметь гигантский талант — пусть не художественный, но масскультурный — сделать так, чтобы сотни тысяч людей твой продукт «заглотнули», чтобы, говоря нынешним языком, «пиписьхавал». У них получилось своеобразное явление масскультуры, претендующее на высоколобость и даже не чуждое этой высоколобости до конца. Вот с этой точки зрения творчество Стругацких было, можно сказать, гениальным, абсолютно адекватным поставленным задачам. Всё что они делали нашими технократами воспринималось не только как явно и безусловно «свое», но это «свое» было вдобавок пропитано какой-то гуманитарной новизной — а сопоставить эту новизну с гуманитарными революциями на Западе и понять, что осетрина уже не первой свежести, наш когнитариат не мог. И с радостью это усваивал. Они вобрали в свое сознание предложенную Стругацкими — или, вернее, через Стругацких — матрицу, и она там стала работать.

Эта матрица очень сложная. Как только уходишь от литературной формы к социальному феномену — сразу обнаруживается этот гигантский разрыв. Начали они просто с коммунизма. Их сила заключалась в простом принципе: вся новая метафизика будет сформирована из физики, из науки. Она не будет существовать отдельно, на каких-то собственных метафизических принципах. Им неинтересно «дао в физике» — им интересно то, что есть в самой физике. «Квантованной протоматерии» достаточно — не надо никакого «дао». Расширяющейся вселенной Зельдовича, «темной материи» — самих по себе уже достаточно

Кадр из фильма Андрея Тарковского «Сталкер»

для расшифровки всех загадок человеческого бытия.

Я всегда спрашивал своих оппонентов, зачем они используют термин «расширяющаяся вселенная»? Они отвечали, что это метафора. Тогда я спрашивал, зачем они говорят, на сколько световых лет она ежегодно расширяется? Они отвечали, что это тем более метафора. А почему цифры — это тоже метафора? И что такое «край вселенной»? Оказывается, нет никакого края. Ну-ну-ну... Тем не менее теория Большого взрыва считается серьезной наукой, ее признал Второй Ватиканский собор, православные богословы активно занимаются ее наложением на традиционный креационизм — все включаются. То есть современные ученые утратили или же потеряли ту способность, которую имели раньше, — «не измышлять гипотез» и на этой основе порождать полноценную культуру, которую я для себя называю Сверх-Модерном. Я очень надеялся на то, что коммунизм умрет, породив этот Сверх-Модерн. Но нет, всё произошло не так. Так вот,

Это надо иметь гигантский талант — пусть не художественный, но масскультурный — сделать так, чтобы сотни тысяч людей твой продукт «заглотнули», чтобы, говоря нынешним языком, «пипл схавал». У них получилось своеобразное явление массовой культуры, претендующее на высоколобость и даже не чуждое этой высоколобости до конца. Вот с этой точки зрения творчество Стругацких было, можно сказать, гениальным, абсолютно адекватным поставленным задачам.

начали Стругацкие с коммунизма, а кончили, к моему прискорбию, тем, что «дешевая колбаса делается из человечины» и ничего лучшего, чем либеральное устройство общества, нет и быть не может.

Потом у них началась прогрессорская тема. Эта тема в принципе не нова. Она имеет богатую традицию, и для нее совершенно не обязательно изобретать инопланетян. Прогрессорская тема началась, когда появились колонии, в которых жили дикари. Дикари — это, по сути, человечество, находящееся на другой — более низкой по сравнению с европейской — ступени развития. Что имеет право делать человечество, находящееся выше, с человечеством, находящимся ниже? Абстра-

гируемся от задачи властвования — как оно вообще должно с ним работать? Относиться, как к равному, — невозможно. Относиться, как к ребенку, который еще вырастет? У Клиффорда Саймака есть такое произведение «Почти как люди». В нем описано примерно то, что произошло сейчас с нами. Вот это вот — люди или не люди? Куда эту тему ни переноси, хоть в космос, хоть в будущее, — она от этого свои качества не изменит. Это гностическая тема. Она подразумевает, что никакого единого человечества нет. Прогрессор, который прилетает на другую планету, — почему он должен считать себя единым с тем человечеством, которое там находится? С одной стороны, он будет находиться вместе со всеми,

а с другой — будет очень даже от них оторван.

Здесь наносится первый удар по гуманизму. А что такое гуманизм? Для меня он характеризуется фразой: «Гуманизм был скелетом нашей натуры». У нас в театре по этому поводу говорят: «Гуманизм был. Был скелетом. Скелетом натуры. Натуры нашей. Кто сожрал мясо?» Каждый раз, когда вы поднимаете проблему фундаментального антропологического диагноза — хоть в планетарном изводе, хоть в изводе Робинзона Крузо, — вы по гуманизму наносите довольно сильный удар. Возникает теория эксперимента по отношению к человечеству. Можно ли экспериментировать с ним вплоть до уничтожения? Готовы ли мы к таким потерям на пути к будущему единству человечества? Ведь к каким-то потерям мы готовы? Где тут научная истина, а где — гуманизм? Наука ведь имеет запреты, пусть даже очень относительные. С одной стороны, доктор Менгеле — садист. А с другой — он человек, который внес безусловный вклад в науку, ученый. На кроликах вы же испытываете ваши препараты, а на низших расах — нельзя? Почему? Как только мы часть людей приравнивали к кроликам — всё. Вы же не обсуждаете проблемы кроликов, вам они не интересны. Пошив шапок, рецепты приготовления кроличьего рагу — вы же не применяете к этим необходимым делам принципы гуманизма? Как только вы поделили человечество, у вас возникают все эти вопросы — с дегуманизацией субъектности, дегуманизацией этоса как системы поведения и так далее.

А далее появляется уже полномасштабная гностическая концепция — в «Отягощенных злом». Пытающаяся —

правда, очень неудачно — скопировать и трансформировать «Мастера и Маргариту». Ведь если второе начало термодинамики верно, если вселенную ждет «тепловая смерть», то это подтверждает давнюю гностическую мысль о том, что наше бытие повреждено и потому распадается. Но тут же появляется мысль о возможности существования какого-то принципиально иного — неповрежденного, нетленного — бытия, на достижение которого были сориентированы алхимия и гностики. И если христианина молитва «Отче наш» ведет к бессмертию, то для гностика это иллюзия: инобытие или есть в человеке изначально, или его нет. А еще далее выяснилось, что это — такая поэзия спецслужбистского высокомерия. И даже более того. Потому что для меня как только люди переходят на позиции фундаментального неравенства людей — они переходят грань между коммунизмом и фашизмом. Или между хилиазмом и гностицизмом, если угодно. Нельзя строить рай на земле и одновременно считать, что Сотворитель жизни — ничтожество и дурак. Тут очень сложный вопрос. И последние станут первыми... Если последние — звери, как они могут стать первыми?.. То есть начали с коммунизма, потом повернули в сторону теории цивилизаций Тойнби, антропологов в штатском, довели это до космической спецухи, а в конце концов космическую спецуху вывернули в гностическую сторону. Это очень сложная эволюция.

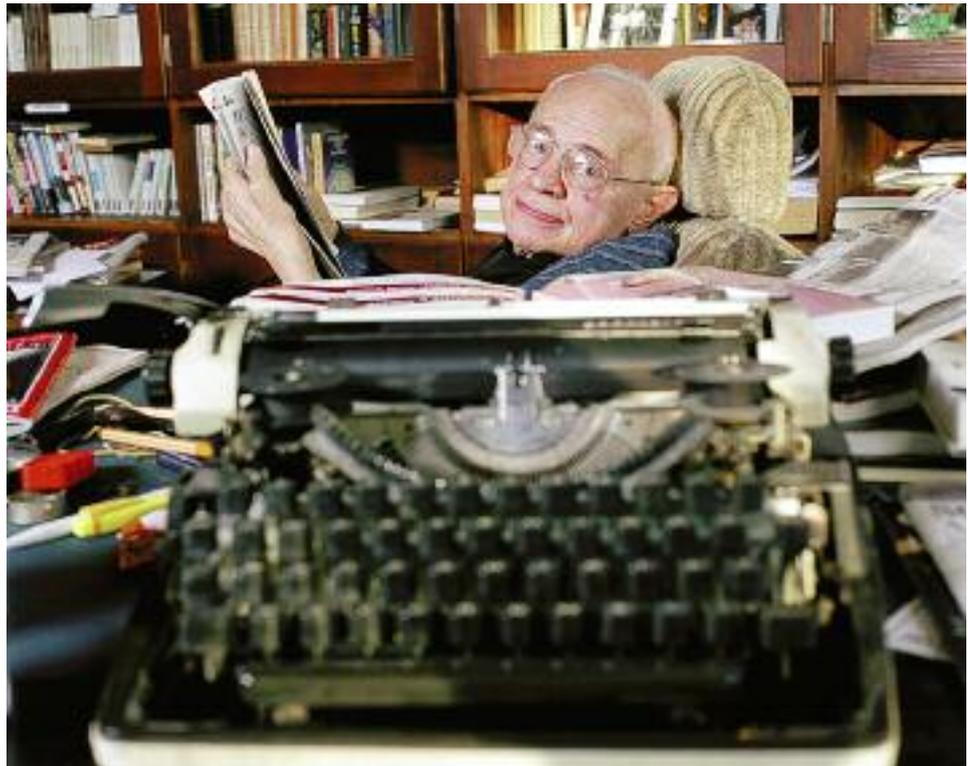
Возникает вопрос, была ли эта сложная эволюция развитием творчества самих Стругацких или она была задана извне, и по этой специальной «червоточине» следом за ними массово пошли наши современники? В 1993 году все эти

социальные, когнитивные, метафизические особенности творчества Стругацких для меня вдруг связались в один узел. Некто Ихлов написал статью, которая была «рекомендована для медленного чтения», и там говорилось: «Поколению молодых реформаторов повезло: у них были книги братьев Стругацких <...> им трудно быть богом, но приходится. <...> Гайдар, как Румата Эсторский, вывел танки, они ударили по Белому дому», — то есть весь мир Стругацких начал приспособливаться под политическую ситуацию, которую надо понять. Нельзя себе представить расстрел Вестминстера в конце XX века в Лондоне или расстрел здания кнессета в Иерусалиме — чтобы приехали свои танки и начали стрелять по собственному парламенту. Расстреляли — а дальше свобода и демократия, да? Это невозможно себе представить! А у нас, когда это произошло, и народ в ответ не восстал, — он очень на многое себя обрек. Ведь если наш народ решил сменить коммунизм на свободу, то свобода — это высокий идеал. В коммунизме была несвобода, и это была смена идеала на идеал. Это не Исав — это Иаков. Но тогда нельзя расстреливать свой парламент посреди своей столицы. А вот после этого расстрела стало понятно, что не идеал на идеал меняли, а идеал на чечевичную похлебку. Потом, разумеется, отобрали и похлебку. Но вот эта адресация к книгам братьев Стругацких при описании данной катастрофы в маленькой, вроде бы, незначительной газетной статье меня тогда почему-то потрясла. Не знаю, почему — иногда я просто доверяю своим ощущениям. Она меня потрясла так, что изменила мою творческую судьбу как режиссера. Я понял, что теперь, с 1994 года, мы переходим в формат спец-

политики. Всё — эпоха политики кончилась. Теперь начинается другая цивилизация, другая жизнь, другая реальность. И я очень долго не понимал, почему другие не понимают этого. Но тогда эта статья стала своеобразной «точкой кристаллизации» перенасыщенного раствора моих впечатлений.

Всё, что я видел и представлял о контактах фантастики вообще и научной фантастики в частности со спецтематикой, оказалось уже спецреальностью, и мне захотелось поставить уже не Стругацких, а выявить в них аналитические записки, по которым это писалось. Или придумать эти записки — я ничего не утверждаю, я пытаюсь воссоздать смысловой скелет и поставить его на сцене. «Играем Стриндберга» — была такая пьеса Дюрренматта. Так вот мы «Играем Стругацких». Сидит человек за столом, передает аналитическую записку, говорит: «Напишите по ней текст». Другой человек садится и начинает писать текст, который потом начинает жить собственной жизнью. Это была попытка создания такой деконструктивной документалистики, там много открытий произошло, интересные образы создавались.

Станислав Лем — очень жестокий человек, напрямую включенный в глобальную элиту и очень точно знающий, что он делает: изменяет формат существования человека. Он — художник достаточного уровня, чтобы его произведения были литературой. Я понимаю, кто такой Клиффорд Саймак. Это — Ложа Плюща, довольно левая часть американской элиты. С такой степенью точности Лема я определить не могу. Но я четко вижу, что это управление по тенденциям, и такая же «народная

Станислав Лем (на фото) — очень жестокий человек, напрямую включенный в глобальную элиту и очень точно знающий, что он делает: изменяет формат существования человека. А Стругацкие — это доморощенное явление, созданное исключительно для внутреннего потребления, очень вторичное и вдобавок далеко ушедшее от своих первоначальных задач.

демократия», как я — Галина Уланова. А Стругацкие — это доморощенное явление, созданное исключительно для внутреннего потребления, очень вторичное и вдобавок далеко ушедшее от своих первоначальных задач.

Стругацкие и Ефремов находились в сложных отношениях, которые я не могу назвать лобовым конфликтом, но всё-таки. А что породило эту сложность? Может быть, разногласия двух спецслужбистских кланов, двух элитных групп? А что это за группы? Это противоречия двух философий, двух структур, способных к контрастному метафизическому существованию? Но это уже не уровень спецпроектов — это уровень парapolитики, уровень субъектов, способных к миропозт-

ному целеполаганию. Но тут мы уже перешли со спецуровня — выше и глубже, на уровень метафизики, где сущности обретают имя. Так вот, в литературном отношении творчество Ивана Ефремова еще хуже, чем творчество братьев Стругацких, и лично для меня это прискорбно. Он — очень крупная личность, выдающийся ученый, мыслитель. Но не писатель, нет. Тем не менее сегодня всему человечеству предстоит выбор между, условно, «путем Ефремова» и, условно, «путем Стругацких». Между преодолением абсолюта Великой Тьмы и принятием этого абсолюта. Мне кажется, что вокруг этого будут строиться многие конфликты XXI века — и цивилизационные, и геополитические, и какие угодно еще.